

Ирина Шувалова

Буковки. Мы от А до Я

«Автор»

2026

Шувалова И. А.

Буковки. Мы от А до Я / И. А. Шувалова — «Автор», 2026

Перед вами — необычный литературный эксперимент: сборник рассказов, созданный по правилам случайности и творческой смелости. Авторы объединились, чтобы бросить вызов привычным схемам написания текстов: с помощью рандомайзера они определяли, какая буква станет отправной точкой для нового рассказа, а также чей черёд брать перо (или садиться за клавиатуру). Каждый рассказ в этом сборнике — миниатюрная вселенная, рождённая из единственной буквы. Где-то она становится ключевым символом, где-то — незаметным штрихом, а порой и вовсе трансформируется в неожиданный поворот сюжета. Читателя ждут: -разнообразие жанров: от лирической прозы до абсурдистской фантастики; -неожиданные сюжетные ходы, рождённые из случайных ограничений; -игра со словами и смыслами, раскрывающая потенциал русского языка; -уникальные голоса авторов, каждый из которых по-своему интерпретирует «буквенную» задачу.

© Шувалова И. А., 2026

© Автор, 2026

Ирина Шувалова, Наталья Алешина

Буковки. Мы от А до Я

Авоська

Весь ноябрь стоял какой-то прозрачный — не холодный ещё, но уже не по-тёплому осенний. Виктория Борисовна возвращалась из магазина с авоськой яблок медленно, но не потому, что ноги её болели, как и полагается человеку, проработавшему учителем тридцать пять лет. Завуч и директор, которые заглядывали к ней кабинет во время урока, проверяя, как справляется с ведением занятия тогда ещё молодая, наивная «Викулечка», интересовались и поучали:

— Викулечка, а ведь дети-то всё видят, всё считают. Почему ты без сменки? Школа, разве, не второй дом?

— Да поди и первый уже от такого количество часов, которые Вы мне выделили на педсовете.

— Викулечка, а ведь уроки стоя нужно вести. Так и детки на тебя смотреть будут: не в телефоны, не к соседу в рот заглядывать, не в окно. Так и тебе будет видно весь класс. За дисциплиной будет проще следить.

То, что уследить за дисциплиной молодому педагогу просто невозможно, об этом Викулечка молчала. Все будто напрочь забыли, какими они неопытными и робкими приходили в школу. На это Викулечка молчала, ничего не могла ответить. Как-то раз после урока алгебры во второй смене, которой был как раз после восьми отведённых уроков в первой, Виктория Борисовна задержалась в кабинете. Ей нужно было проверить две стопки тетрадей. Приближался конец четверти и заодно и конец года.

Виктория Борисовна всегда давала «второй шанс» своим ученикам. Даже самого отчаянного лоботряса она оставляла после уроков и усаживала за первую парту, после небольшой воспитательной беседы без явного уж давления. Виктория Борисовна давала самые простые упражнения из сборника для самостоятельных работ учащихся. После чего ученик, почесав затылок, сдавал спустя 10 минут пустой листик. После «посиди ещё, подумай» она выходила в учительскую или под предлогом набрать воды в чайник выходила ещё минут на 10-15. А листок всё пустовал. Каким-то невероятным образом у Сидорова/Кузина/Петрова/Лапушкина всё равно в таблице «вырисовывалась» тройка.

— Виктория Борисовна, это Вам. — зашла родительница Светлана, что жила этажом выше, и занесла маленький целлофановый пакет петрушки, пучок кинзы, пару килограммов яблок. — Как там, Аркадий мой?

— Аркадий? Аркадий ничего, ничего... — Викулечка не хотела сообщать родительнице, что её сын разбил свою и ещё пару тарелок в столовой в порыве ярости, пытался «прессануть» своего одноклассника Димку, ополчил почти весь класс против него, называя его странным, что курил в туалете.

— Я Вам гостинцев принесла, у нас на даче большой урожай в этом году. Я, думаю, зайду и Вас угощу.

До петрушки и кинзы Викулечке не было дела, а вот яблоки как-то особенно привлекли её внимание. Такие спело-красные, такие наливные, будто с натюрморта. Ароматные и блестящие.

— Спасибо Вам за яблочки, Светлана Денисовна.

И не потому Виктория Борисовна возвращалась медленно, что желала пройти помедленнее мимо дома, в котором жил её сын до того, как уехал в Москву. Виктория Борисовна по

инерции продолжала смотреть, горит ли свет на кухне последнего этажа в пятиэтажке. Когда там жил её сын Ерофей, она пекла шарлотку по субботам: иногда со сливами, иногда с грушами, но чаще всего по классике яблочную. Тогда она звонила сыну, а он после университета, заходил к ней за яблочной шарлоткой, которую она щедро посыпала корицей.

Ерофей звонил стабильно раз в месяц, интересовался здоровьем матери, рассказывал про свою столичную жизнь, как похорошела уже не белокаменная, про подработки и суету большого города и, конечно же, про внука Олега. Ерофеюшка тоже учился у Виктории Борисовны, к нему было особое снисхождение в школе, потому что он её сын. Мелкие проступки его не обсуждались на педагогических советах (Виктория Борисовна даже спустя тридцать пять лет помнила то жуткое сочинение, которое написал Димочка, одноклассник Аркадия, подписавшись вместо имени и фамилии *Хорватской овчаркой*. Это сочинение в стихах зачитывали при всём педагогическом составе: кто-то хватался за голову, кто-то выкатывал глаза, кто-то сдерживал рвотные порывы), на родительских собраниях его некому было отчитывать, а если и случались из ряда вон выходящие пакости, то его просто за руку отводили к матери, грозили кулаком и закрывали дверь класса, оставив его наедине объясняться в содеянном.

У него никогда не было спорных оценок. По всем предметам «4, хорошо». Вот и вырос уверенный в себе мальчик, не запуганный, не зашуганный, а вполне со здоровой самооценкой. И после окончания университета уехал в Москву, там и закрепился.

А потому Виктория Борисовна шла медленно, потому что хотела полюбоваться яблоней, которую они вместе на первом сажали со своим уже покойным мужем, Семёном Дмитриевичем. Его не стало восемь лет назад. Яблоня была высокая, стояла у самого окна — старая, с растрёпанной кроной, будто женщина, поленившаяся заплести косу и собравшая небрежный пучок. Весной яблоня вся покрывалась белыми облаками цветов, и казалось, будто сама тишина дышит её ароматом. По вечерам от лёгкого дуновения ветра лепестки опадали на траву, как письма, которые так и не успели влюбленные друг другу отправить.

Яблоки стучали друг о друга в старой авоське — этот звук напоминал ей, как когда-то несмышлёный ученик, оставленный после урока, барабанил по парте ручкой, пытаясь решить квадратное уравнение, чтобы исправить оценку за четверть, как сын катил по столу стеклянные шарики, смеясь, как Семён Викторович стучал пальцами в ритм песне, услышанной по радио за завтраком.

У подъезда пахло мокрым железом, и кто-то в окне на первом этаже жарил картошку. Виктория Борисовна остановилась, поправила узелок на сумке. Дома она выложила их на стол. Одно — для Ерофеюшки, которого не видела три года, другое для внука Олежки. Третье яблоко для жены сына, невестки Виктории Борисовны, Милы. Четвёртое — для мужа, пятое яблоко для соседки Светки, мамы Аркадия, шестое яблоко для самого Аркашки, седьмое для Игоря Степановича, соседа, восьмое — для неё самой, но почему-то самое маленькое и сбоку (как она это не заметила в магазине) слегка побитое с тёмным пятнышком.

Виктория Борисовна сидела за столом, глядя, как свет ложится на круглые бока спелых яблочек, и думала: вот и всё моё богатство — память, что пахнет яблоками.

Кухонный свет медленно таял, а яблоки всё ещё сверкали, как свидетели всеобъемлющей любви, которую нельзя забыть.

Булевард оф брокен дримс

Бар находится на пересечении улиц К***, П**** и С****на бульваре. Есть городская легенда, что молодежь, желавшая продолжить веселье после бархоппинга, может встретить это замечательное место, которое появляется лишь в полночь на перекрёстке трёх улиц. Там

встречаются люди, чьи судьбы должны чудесным образом на непродолжительное время переплестись. Их диалоги оживляют забытые воспоминания: стены кафе проецируют сцены из прошлого, а кофе в чашках меняет вкус в зависимости от искренности слов (*сладкий-ложь, горький-правда, кислый-недосказанность*). К рассвету он растворяется, днём это заведение на найти даже на картах, не прочитав на него отзывы, но у собеседников остаются странные артефакты. За круглым столиком сидят двое в дутых куртках яркой кислотной расцветки. Далее они упоминаются как Касатик и Вепрь.

На фоне ненавязчиво играет Green Day-Boulevard of broken dreams.

Вепрь Забирается в квартиру вор. Дверь за собой запер, на всякий случай цепочку накинул. Обувь снял, то-оолько по нычкам полез, сзади голос: «А Кеша все видит!» Оборачивается — р-рраз фонариком! А там в углу попугай в клетке сидит. (*Исполнитель изображает вздох облегчения*): «Ф-ффухх, чучело сраное. Как ты меня напугал». — «А Кеша не попугай...» (*В голосе у исполнителя появляются злорадные ноты*). — «А кто?» — «Кеша — ротвейлер...»

Касатик Хахаа-хахаха. Ну классика.

Вепрь Этот анекдот мне батя рассказал, когда мне было лет десять, наверное. На всю жизнь запомнил.

Касатик Ты когда-нибудь задумывался над устройством и клише построения анекдота?

Вепрь Все анекдоты, которые мне известны, строятся по схожему принципу. Сказуемое затем подлежащее. Идёт волк... Сидит мужик... Заходит немец, русский...

Касатик Да, да-а. Точно. И ведь анекдоты сплошь про животных, если Штирлица не считать...

Вепрь Это я еще у Проппа вычитал... анималистические образы, за которыми кроются человеческое слишком человеческое... Ты думаешь почему я Вепрем зовусь?

Касатик Вепрей я в анекдотах не встречал.

Вепрь То-то и оно, персонаж я вовсе не из анекдотов, хоть и живу порой смешной жизнью.

Касатик Я на бар, тебе взять чего?

Вепрь Хочу вискарь и чашку кофе, а то третий час ночи, мне домой скоро будет пора. Хочу протрезветь немного, взбодрится.

Касатик А виски тогда зачем?

Вепрь А я еще и догнаться хочу. Не идти же домой трезвым.

Касатик отлучается к бару, потому что официантов в этом заведении нет. *Вепрь* почёсывает голову? Вслушивается в слова песни (*«I walk alone, I walk alone*

I walk alone, and I walk») и смотрит в стену. Белая, отшлифованная стена, начинает проецировать силуэт мужчины, одетого по-осеннему небрежно, шарф еле держится на нём, лица почти не разглядеть, потому что его он не помнил в точности и не мог воспроизвести детально. Мужчина шёл по проспекту, а на поводке у него была чёрная собака. Звали собаку Клякса. Чернее всяких чернил.

Касатик Держи.

Вепрь Спасибо, скажешь, сколько должен.

Касатик Я сам никому не должен и тех, кто должен мне, простил.

Что смотришь?

Вепрь Отца вспоминаю и Кляксу.

Касатик оглядывается на стену и рассматривает, как через прожектор, диафильм с шагающим мужчиной по проспекту.

Касатик молчит. *Вепрь* молчит.

Вепрь (*выдержав паузу*) Его не стало пять лет назад. Хороший был мужик. Да только будто мы с ним и не были никогда близки.

Касатик Это тоже классика. Холодные отношения с отцом- частый случай. Я своего вообще не помню. Мы перестали общаться, начиная с моего бурного подростково-максималистского периода. Вепрь пробует на вкус свой чёрный кофе. Тот оказывается горьким.

Так что там с батей?

Вепрь Он уходил из дома в любую погоду, брал Кляксу с собой и гулял по часа два-три. Знаешь, у всех должно быть третье место. Дом, работа... и... что-то еще. Там, где ты можешь быть самым собой.

Касатик У моего таким местом был кабинет. Закрывался там и что-то писал/считал/вычислял...

Вепрь А у моего, видимо, прогулки с собакой. Всегда надевал старое пальто, будь то сентябрь или февраль. Серое, на больших чёрных пуговицах.

Вепрь и Касатик делают по глотку напитков. Вепрь замечает, что кофе немного кислит.

Вепрь А твой... После развода завёл себе кого-то? Съехался? *(решаясь избавиться от недосказанности и выпытывая подробности у друга)*

Касатик Да куда там.

Вепрь Откуда такая уверенность?

Касатик У него было много знакомых женщин: коллег, одноклассниц, соседки и даже мамыны подруги просили его выручить время от времени. Но маме он не изменял еще в браке. Думаю, он до сих пор одинок. Я своей тоже верен.

Вепрь делает глоток кофе, кофе чересчур кажется сладким.

Вепрь Ты просил добавить мне в кофе сахар?

Касатик Нет, помню ведь, что со студенческих времён ты любишь чёрный крепкий кофе. Чертовски хороший чёрный кофе! *(подмигивает)*

Касатик, погодя минуту, уставляется в стену, а на стене идет нарезка кадров из их студенческой жизни. Не только пьянки и шумные компании, но и ночи перед сессией, когда они сидели на кухне с кружками дешевого чая, который оставлял коричневый плотный налёт на стенках кружки, который даже содой было не просто счистить, читали билеты вполголоса и зажимали ладонью рот, чтобы не рассмеяться слишком громко. Отчего им было смешно? А просто потому что. Пересдачи в июле, пустые утренние трамваи, переполненные автобусы, общий пирожок на двоих, потому что до стипендии еще неделя. Конспекты с чужим почерком, выданным за свои, заботливо подчеркнутые строки, записки на полях. Оба смотрят, не отрывая взгляда. На их лицах застыли улыбки, какие бывают только у людей, переживших вместе одно и то же время.

Касатик Мне тогда казалось, что мы вместе против целого мира.

Вепрь Так и было, вероятно. Так и было.

Касатик Я сразу после университета хотел уехать в П****. Каждые полгода срывался и думал брать академ или отчислиться к чертям собачьим... там ведь культура, гастрономия развита, амбиции, история... Да Тину встретил.

Вепрь Тина... как ряска? Как болото? *(непонимающе тихим тоном переспросил он)*

Касатик Тина. Как Канделаки. Имя её. ...жены моей. А с Тиной что? Лучше, сам смотри.

И вдруг «пленка» дергается.

Между этими кадрами — совсем другой фрагмент. Кухня уже не студенческая, а семейная: аккуратная, вымытая, с одинаковыми бежевыми чашками из икеи. Жена Касатика стоит у раковины спиной, вода льется слишком долго. Они говорят о бытовом: кто вынесет мусор, кто забыл купить хлеб, почему снова не оплачены счета. Разговор ровный, без ссор, и от этого еще более пустой. Он смотрит мимо неё, она — мимо него.

Вечера, когда они сидят рядом, каждый в своем телефоне, и между ними диванная подушка, как граница между двумя Кореями, как Берлинская стена в сороковых. Совместные

завтраки без вкуса, совместные планы без будущего. Ничего трагического, просто жизнь, в которой так и не случилось «мы».

Кадр гаснет быстро, будто сам проектор не хочет на нем задерживаться. Чёрный диафильм с оранжевыми отсветами по краям. Конец плёнки.

Снова возвращаются студенческие лица, смех, неустроенность, в которой было больше тепла, чем во всем этом аккуратном сложенном быту. Касатик моргает, и улыбка на его лице становится чуть неровной, как будто он тоже чувствует эту склейку, это несовпадение жизней, в одной из которых он когда-то был...живее.

Вепрь Пора прогуляться.

Касатик Да..Пожалуй. (*достаёт телефон, ни одного пропущенного от жены*)

Вепрь залпом выпивает бокал виски, к которому не притрагивался на протяжении часа с момента заказа, противореча собственным словам о том, что он хочется слегка протрезветь и взбодрится. Изначально виски он взял исходя из компанейских соображений. Оба они покидают бар, оставив чаевые на стойке бармена.

Вепрь Свидимся, Кость.

На утро Вепрь находит в кармане пуговицу с пальто отца.

На утро Касатик находит билет в город, которого нет. Имя городу Дримсбург.

Волшебное слово

Я повторяю снова и снова,

Жизнь- это самое волшебное слово.

Александр Васильев

Игорь Степанович предпочитал вести оседлый образ жизни. Весь его быт был подчинён рутине, чётко структурированной. Он очень любил фильмы «Шоу Трумена», «День сурка», а любимым рассказом его был «Человек в футляре» Антона Павловича Чехова. Игорь (или Степаныч, как звали его соседи по дому и дальние родственники), бывший архивист. Всю жизнь имевший дело с кодами, системами, точностью, он упорядочил свою жизнь так, чтобы в ней не было место непредсказуемости и стихийности, импульсивности и сюрпризам. Последние Игорь Степанович не любил особенно. Он живёт один, что помогает ему поддерживать порядок в доме и в голове.

Каждое утро он встаёт с правой ноги, надевает тапочки, заваривает чайник тигуаниня, выглядывает в дверной глазок, чтобы убедиться, что на лестничной площадке никто не стоит (ни противных соседочек-сплетниц, ни газовиков, которым только и нужно, что, денежки себе забрать за так называемое обслуживание, ни администраторов домовых чатов, которые вечно чем-то недовольны и придумали какую-то инициативную инициативность), покупает лотерейный билетик в киоске, заходит на рынок за баночкой брусничного варенья, которую съедает в течение трёх дней, разгадывает кроссворд, звонит соседке Виктории Борисовне, сдержанно флиртует с ней. С ней они не видятся, хотя разница между ними три этажа. Периодически то Игорь зовёт Victорию, то она его, но всегда находятся какие-то предлоги: то спина болит, то мигрень страшная, то к ней бывшие ученики с благодарностями приедут, то мастера-сантехника она пригласила. Чисто сказка «Журавль и цапля», только не в женитьбе дело. О браке Игорь Степанович зарёкся, никакой женщины ему в доме не надобно. А скука? Что скука? Скуки он не боялся.

В декабрьское утро понедельника наш пенсионер, бывший архивист, после вставания с правой ноги, после пары пиалочек китайского зелёного чая, после разведки на лестничной площадке, после пару ложечек варенья для настроения отправился в соседний киоск за лотерейным билетом. Игорь Степанович твёрдо решил выиграть хотя бы 200 рублей. А ведь и акция идёт предновогодняя. Главный приз- полтора миллиона рублей. Чем чёрт не шутит!

— Мне билетик, пожалуйста.- эту фразу Степаныч всегда доставал из арсенала, как заготовку, не здороваясь.

— Нет, закончились.

— Как это так?

— Прямо перед Вами последний забрали.

Игорь Степанович помолчал, почесав затылок. Не находил, что и ответить на это.

— Судьба, видимо. Разобрали. Завтра приходите, кажись и повезёт.

Судьба.

Не попрощавшись, пенсионер вышел на улицу. Побрёл на рынок, всё думая о том, как это так... закончились билетики. Мимо проходившая женщина разговаривала по телефону, неся в другой руке довольно увесистый пакет с продуктами. Шла она с рынка.

— Ну, ничего, Олечка. Судьба, видимо, такая. Отчислили... плохо, конечно. Поступит в другое место, всё, что не делается, как говорится...

Игорь Степанович опешил. Судьба...

Зайдя на рынок, он прошёл мимо рядов прилавков, подошёл к своей знакомой продавщице Лидочке, которая выставляла на столик баночки вишнёвого варенья. Игорю нужно было именно брусничное, хоть и вишнёвое он любил не меньше. На холодильнике стояло радио. Оно вещало: «Судьба — злодейка распорядилась так, чтобы великий спортсмен в 33 года получил травму, несовместимую с продолжением карьеры...».

Игорь Степанович будто и забыл, за чем конкретно он шёл. Судьба, судьба...

— Мне две баночки брусничного.

— Степаныч, вишнёвое, может? Хорошее привезли.

— Брусничного, брусничного.

Немного погодя, продавщица Лидочка достала из укромного местечка «для постоянников», приберегла ведь.

— Спасибо, милая. — Степаныч улыбнулся и протянул купюру. — Без сдачи.

Игорь чётко распределял свой бюджет, ведь пенсия была маленькой, а другого заработка у него не было. Но он считал, что даже при небольшом бюджете, должно быть место щедрости. Помимо зажиточных трат, без которых можно, но не хочется, обойтись (китайский чай, лотерейный билетик, брусничное варенье), он оставлял щедрые чаевые продавщице.

Довольный Игорь Степанович пошёл домой, положив две маленькие красные баночки во внутренний карман куртки.

Судьба... судьба... Судьба-злодейка.

По приходе домой, Игорь Степанович смахнул крошки с клеёнчатой скатерти, протёр влажной тряпочкой поверхность стола, взял с подоконника сборник кроссвордов и остро заточенный карандаш и под радио стал разгадывать.

«Длиннохвостый попугай, 3 буквы» — АРА

«Узкий проход в здании, 7 букв» — КОРИДОР

«Косметика для ресниц, 4 буквы» — ТУШЬ

«Роман Эмиля Золя, 4 буквы»...

— «Жерминаль» не подходит, «Земля», «Мечта» сразу нет...

Игорь Степанович вспомнил название романа и записал печатными буквами в каждую клеточку по букве: «Н», «А», «Н», «А».

«Новогодний фильм Ирония..., 6 букв».

— Да не может такого быть! — вслух вскрикнул Игорь Степанович.

Игорь Степанович не был фаталистом, не верил в теории заговоров, совпадения и почую ерунду, но отрицать закономерность было бы глупо.

Он вскочил, подбежал к телефону так быстро, как только смог и набрал 6 цифр, ровно столько же, сколько и в слове «судьба».

— Викулечка, что ты знаешь про судьбу? — снова без слов приветствия задал вопрос Игорь Степанович.

— Алло, Игорь Степанович? Здравствуйте! Ох, вопрос какой глубокий... Ну, если рассудить, то судьба — это как дорожка в лесу. Вроде идёшь-идёшь, а она то вверх поведёт, то вниз, то за поворотом сюрприз подкинет.

Я вот думаю: есть в жизни вещи, что от нас не зависят — так уж звёзды легли, обстоятельства сложились. Это и есть судьба, наверное. Рождение, встречи с людьми важными, болезни ли, радости — всё как будто заранее намечено.

А с другой стороны, мы же сами выбираем, как по этой дорожке идти. Можно спотыкаться да жаловаться, а можно смотреть под ноги да радоваться каждому солнышку сквозь листву. Вот это уже не судьба, а наш характер, наша воля.

Получается, судьба это и то, что нам дано, и то, как мы с этим живём. Как два конца одной верёвочки: один конец — Божий промысел, другой — наш выбор.

Вы уж простите, если мудрено объяснила. Просто за столько лет жизни надумала вот так... А вы сами как считаете, Игорь Степанович?

— А я считаю, что шифр. Шифр, который я обязательно разгадаю. Тут нужен частотный анализ, сопоставление с датами, именами, событиями собственной жизни.

Искать нужно в прошлом: событие, которое он считает роковым: смерть жены, разрыв с сыном Костей, ошибка, стоившая карьеры. Игорь Степанович уверен: если расшифровать «судьбу», можно доказать, что это не случайность, а система (а значит, снять с себя вину и ответственность за все решения, принятые в жизни).

Степаныч достаёт из ящика общую тетрадь с жёлтыми от времени страницами, начинает записывать «доказательства».

Ему кажется, что шифр почти раскрыт: последняя буква «А» совпадает с сегодняшней датой. Двадцать четвёртое декабря. Нет, никакой в этом логики нет. Он уверен, что в этот день должно произойти нечто решающее — либо откровение, либо катастрофа. Это и с билетами лотерейными связано, что закончились. И с вишнёвым вареньем, которое мне предложила Лида.

Игорь Степанович чувствует, что температура начинает подниматься. Смотрит на свою левую руку.

«С» — как завиток линии у основания большого пальца. «С» — это сгиб, с которого всё начинается: детство, первое решение. Буква не замкнутая, так как жизнь сразу продолжает свой путь. Идёт дальше, не давая остановиться.

«У» резкий излом вниз. У — углубление. Провал. Место, где линия уходит в глубь ладони. Словно крючок: зацепился — и уже не выпрямишь. Здесь впервые человек понимает, что жизнь — штука сложная.

Игорь Степанович переворачивает руку, указательный и средний палец похожи на букву «Л», но если приглядеться, то и на «Д».

«Д» — широкая, устойчивая, с опорой. Дом. Долг. Дело. То, ради чего держится линия. В ладони это длинная прямая-годы работы. Буква будто бы говорит: «терпи, стой, неси».

«Ь» — почти невидимая пауза. Любой человек, интересующийся фонетикой, или тот, кого мучили до 7 класса фонетическими разборами в школе, знает, что в транскрипции мягкость обозначается запятой. Мягкий знак есть в словах: [бол'], [л'убоф], [мат'], [т'эпло], [вопл']. Это буква, при фонетическом разборе в которой ставят прочерк, ведь он не обозначает звука. Ему нельзя дать характеристику по парности, глухости, твёрдости, мягкости. Но «Ь» будто меняет всё, что было до.

«Б» — тот же «Ь», но уже с крышей. Замкнутый круг с хвостом. Кажется, что та самая крышечка даёт ощущение завершенности, ясного чувства сформированности и твёрдости/парности/звонкости, но не тут-то было. Рука узнаёт этот изгиб, здесь уже проходили.

«А» — вершина, острый угол, начало (и конец одновременно). Акме, точка осознания. Линия жизни поднимается вверх, почти обрывается, но твёрдо и уверенно приземляется на землю, точно кошка на все четыре лапы. Вдруг становится ясно: всё, что было, вело именно сюда. Это может быть смирение, прозрение или последняя попытка понять смысл.

— Викулечка, ты всё ещё тут? На проводе? — Степаныч вспомнил, что трубку он не положил.

— Тут, Степаныч, тут

— Ты мне очень помогла, очень. Признателен я тебе.

— А волшебное слово?

— Судьба.

Слово «Судьба» для Игоря Степановича было поистине волшебным. Он был твёрдо убеждён, что оно не читается- его ошупывают. Каждая буква- не звук вовсе. Скорее след, шрам. И если провести пальцем по этому шероховатому рубцу, то можно увидеть всю проживающую жизнь. И тут Игорь Степанович задумался, оглядел ладонь левой руки, затем и правой, посмотрел на потолок, посмотрел на шкаф с книгами, которые стояли строго в алфавитном порядке...

(Дальше читателю нужно выбрать только одну концовку рассказа. Выбирая конкретную, её нужно будет учитывать как единственно верную и единственно точную. Так и случилось с Игорем Степановичем.

Поддавшись своему любопытству, читатель может ознакомиться с остальными, но это будет как посмотреть ответы в контрольной, за которую уже выставлена оценка и на судьбу Игоря Степановича она не повлияет.

Итак: а) тихий трагизм, б) двусмысленность, в) метафизика, г) обратный ход?

Концовки рассказа

а) Тихий трагизм

Игорь Степанович положил трубку, медленно опустился в старое кресло у окна и уставился на падающий снег. В голове крутились обрывки мыслей: «Судьба... шифр... разгадка...». Но теперь всё казалось бессмысленным. Он вдруг осознал, что всю жизнь искал закономерности там, где их, возможно, и не было.

Он достал из ящика общую тетрадь, перелистал исписанные страницы: схемы, сопоставления дат и событий. Всё это выглядело как бред. «А может, я просто боялся жить, — подумал он. — Боялся случайности, боялся свободы, боялся самого себя. Совсем как этот... чеховский... Беликов. Похоронят меня в гробу, если будет, конечно, кому хоронить, и скажут, что таких людей одно удовольствие хоронить, что я достиг своего идеала.»

За окном стемнело. Игорь Степанович закрыл тетрадь, аккуратно поставил её на полку к другим книгам строго в алфавитном порядке. Потом лёг на диван, укрылся пледом и закрыл глаза. В тишине он услышал лишь одно слово: «Судьба». Оно больше не звучало как шифр. Оно звучало как приговор.

б) Двусмысленность

После разговора с Викторией Борисовной Игорь Степанович долго сидел, глядя на ладонь. Линии на ней действительно напоминали буквы «С», «У», «Д», «Б», «Б», «А». Но теперь он задумался: а вдруг это не шифр, а просто случайность? Может, он сам навязал им смысл, потому что боялся признать: жизнь — это хаос, а не система? Хаос, которого он так боялся и который он не впускал в свою жизнь не под каким предлогом. Так не впускал он газетчиков, колядующих, перепись населения и соседок-сплетниц и проч и проч.

На следующий день он снова пошёл за лотерейным билетом. Киоскёрша улыбнулась:

— А, это вы! Вчера последний забрали прямо перед вами. Сегодня вот, держите.

Игорь Степанович взял билет, но не стал его сразу проверять. Он долго смотрел на цифры, пытаясь увидеть в них закономерность. Но ничего не складывалось.

Вечером он позвонил Виктории Борисовне:

— Викулечка, знаешь, я тут подумал... Может, судьба— это просто слово?

— А что же тогда не слово? — засмеялась она.

— Не знаю... —он замолчал. —Может, мы сами её придумываем.

— Может, и так, — мягко ответила она. — Но ведь от этого она не становится менее настоящей, правда? Степаныч, с заходи ко мне на чай? С брусничным вареньем.

— Поднимаюсь, Викулечка.

Он посмотрел на билет, потом на ладонь, потом в окно. Снег падал, укрывая город белым покрывалом. Степанович взял ключи и покинул квартиру, захватив печенье.

в) Метафизика

Когда Игорь Степанович положил трубку, в комнате стало тихо. Но тишина была особенной, будто наполненной шёпотом. Он закрыл глаза и вдруг почувствовал, как время замедляется. Буквы «С», «У», «Д», «Б», «Б», «А» перестали быть просто символами. Они превратились в потоки света, переплетающиеся между собой, образуя узор, который он не мог до конца понять.

Он встал, подошёл к зеркалу и увидел не себя, а множество отражений — разных версий Игоря Степановича, живущих в параллельных мирах. Один из них выиграл в лотерею, другой женился на Виктории, третий уехал в другой город, четвёртый возобновил связь с сыном....

— Это и есть судьба? — прошептал он.

— Это и есть ты, — ответил голос.

Игорь Степанович понял: он не разгадывал шифр судьбы. Он сам был этим шифром. Каждая его мысль, каждое решение, каждый страх и надежда — всё это складывалось в узор, который нельзя было ни прочитать, ни изменить. Потому что он уже был.

Он улыбнулся и сел обратно в кресло. Теперь он знал: судьба — не загадка. Судьба — это он сам.

г) Обратный ход

Игорь Степанович положил трубку и вдруг резко встал. «А что, если я всё перепутал?» — подумал он. Может, не судьба ведёт его, а он ведёт судьбу? Может, буквы на ладони — не предсказание, а инструкция?

Он быстро достал тетрадь и начал переписывать всё заново. «С» — не начало, а призыв к действию. «У» — не провал, а поворот. «Д» — не долг, а дверь. «Б» — не пауза, а мягкость, гибкость. «Б» — не замкнутость, а база, фундамент. «А» — не конец, а точка отсчёта.

На следующее утро он пошёл на рынок, но не за вареньем, а к Лидочке.

— Лида, а у тебя есть вишнёвое варенье? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, есть! — удивилась она. — А что, брусничное надоело?

— Надоело, — честно ответил Игорь Степанович. — Хочу попробовать ваше вишнёвое. Потом он зашёл в киоск и купил лотерейный билет. Не для того, чтобы выиграть, а просто потому, что захотелось.

Игорь Степанович улыбнулся. Он больше не искал шифр. Он начал его создавать.

Гурман

Аркадию очень нравился суп из сердец, особенно, если в супе были сердца трёх.

Женщины были пикантнее, их мясо было нежным и пряным, мужское — жёстким, но очень волокнистым и текстурным, а дети таяли на языке, как шарик пломбира в кофе гляссе.

Ему нравились стейки, но для этого совершенно не подходили спортсмены: всё портили мышцы — мясо буквально сушилось, становилось жилистым, теряло вкус.

Толстяки были джекпотом, и ещё каким! Да, мешала жировая прослойка, но зато у каждого кусочка был будто бы сливочный вкус, и мяса в толстяке намного больше.

Из стариков можно было сделать холодец — они прожили уже достаточно. Он верил, что кости хранили в себе генетическую память, поэтому его стряпня иногда приобретала ещё и сакральный смысл.

Иногда ему казалось, что он может перевоплотиться в человека, которого съел, что все они теперь хранятся в нём, и как прекрасно было их бардо! Многие из них, наверное, были никудышными людишками, а он превратил их в прекрасные блюда.

Он напевал «связаны одной цепью, скованы одной цепью», и помешивал рагу из Людмилы Петровны и Виктора Анатольевича. В офисе всем казалось, что они влюблены друг в друга, но никак не могут сделать первый шаг. Так он смог свести их вместе — надеюсь, что теперь они счастливы!

В сезон гриппа ему лучше всего помогал мелас зомос (греч. μέλας ζωμός — спартанская черная похлёбка), свиную кровь он смешивал с человеческой в пропорции 1/2.

Вкус не казался ему суровым, он был пикантным. Возможно, именно человеческая кровь делала это блюдо более изысканным.

Да, он не читал Пушкина, не слушал Бетховена, не носил костюм-тройка, не покупал посуду в Kuchenland Home, не сервировал стол, не съел ничьей печени с Кьянти, и ему было плевать на стереотипы. Он просто жил, и каждый кулинарный миг дарил ему невероятные впечатления и наслаждения.

Всё кончилось, когда в дом ворвалась СОБР, и сотрудники повалили его на пол, заломив руки за спиной и сцепив их наручниками — было шумно и очень больно, но больше всего в такой момент хотелось отведать страсбургского пирога. Они конфисковали всё, что было в холодильнике и морозильной камере. К сожалению, он уже не попробует ленивые голубцы из Ивана Семёновича, оладьи из печени Светланы Викторовны и расстегай с начинкой из Константина Павловича. Всё пропадёт зря!..

Когда полиция спросила: «Зачем ты совершал эти зверства?», он ответил: «У меня низкий гемоглобин».

Достоевский

Сонечка была молодой журналисткой. Если быть точнее, то это не журналистика в привычном понимании. Она выходила на связь с духом ушедшего, переживала этот опыт, а все записи передавала своему ассистенту, который редактировал тексты с минимальными корректурами и передавал в издательство. Соня не помнила ничего из разговора с духами и фантомами, помогали восстановить ход интервью аудиозаписи и судорожные записи едва разборчивым почерком на листе бумаги, которые приходилось расшифровывать помощнику. «Амнезия — плата за этот дар». — считала Соня.

Закончила журфак МГУ, а затем прошла курсы от всем известного экстрасенса-медиума. Это модное направление, существование которого нельзя было представить ещё пару десятилетий назад, стало настоящим трендом тогда, когда коучинг и программирование на запросы во Вселенную и космоэнергетика уже потеряли всякий смысл. Все, кто хотел себе что-то наманифистировать, манифистировал, манифистировал, да не наманифистировал.

Соня определила для себя именно такой вектор развития, ведь ниша была востребована. Проработав в издательстве два с половиной года, она уже не знала, о чём писать. На

летучке обсуждались повестки, поднимались важные вопросы и собиралась статистка, нужно было брать интервью у давно ушедших актёров, певцов и политиков, но ни одно из интервью не трогало сердца Сонечки и мало чем отличались друг от друга. Трудное детство — жизнь в лишениях — воля к победе — труд — слава и признание — смерть. Тексты стали избитыми, механическими, хотя и собирали большое число подписчиков. Ситуация: творческий тупик.

Тогда Соня под свою ответственность предложила взять интервью у духа Достоевского. Это последняя фигура, с которой ещё «не всё сказано». Кроме того... Сонечку, помимо имени главного лучика в романе «Преступление и наказание» Мармеладовой и имени дочери Достоевского, скончавшейся в три месяца, роднило ещё одно — оба страдали припадками эпилепсии, или, как говорят в простонародье, «кондрашкой с ветерком».

— Вздор и глупость.- вот что сказал на это главный редактор. — Но за эту смелость я тебя и ценю. Дерзай! Срок две недели.

Не спав всю ночь, она тревожилась и составляла список вопросов, которые она задаст Фёдору Михайловичу.

«Что послужило отправной точкой вашего пути в литературе? Были ли конкретные события или люди, которые особенно повлияли на ваше решение стать писателем?» — да, пожалуй с него стоит начать. А как ещё? Конечно же про писательский труд.

«В ваших произведениях часто звучит тема страдания. Считаете ли вы страдание необходимым условием духовного пробуждения человека?» По поводу этого вопроса она сомневалась, ведь, безусловно, это всем понятно, что тема грехопадения и искупления греха через страдание — лейтмотив Фёдора. Но, может, гость раскроется как-то иначе.

«Вы прошли через каторгу и смертный приговор, заменённый в последний момент. Как этот опыт изменил ваши взгляды на жизнь, свободу и прощение?» — да, это нужно оставить. Так думала Соня, перечитывая и корректируя в своём блокнотике записи.

Ей столько всего хотелось спросить, потому что Соня перечитала всего Достоевского, даже защищала по нему дипломную работу. Но в этих вопросах не было таких, которые могли бы раскрыть саму личность, а не просто «оживить» страницы его дневников. Как много и как мало на самом деле мы о нём знаем... Тогда Соня решила импровизировать.

Соня начала готовиться к ритуалу. Она знала, что дело тут не в магии, что всё дело в правильной сонастройке, а «магические атрибуты» лишь дополняют атмосферу. Она накрыла покрывалом большой книжный шкаф, диван, кресло, занавесила зеркала, оставила только стол, покрытый чёрной бархатной скатертью, которая служила «экраном», стул, свечу и предметы, связанные с Достоевским: первое издание «Преступления и наказания», перо, лист с автографом (копия). Проветрила помещение, зажгла ладан: его дым, по её убеждению, создаёт «мостик» между мирами.

За три дня до выхода в астрал она перечитала письма Достоевского к Анне Григорьевне, чтобы «настроиться на его волну», а сегодня надела чёрное платье без украшений — так ей было проще отключиться от внешнего.

Соня села за стол, зажгла свечу, закрыла глаза и произнесла тихо, но твёрдо:

«Фёдор Михайлович Достоевский, я, София, приглашаю вас в это пространство. Я уважаю ваш труд и вашу душу. Если вы слышите меня — дайте знак».

Пустота: шум в ушах, лишь собственные мысли, которые мешали концентрироваться. Требовалось некоторое время.

Соня молчала, закрыв глаза.

«Надо любить жизнь ..., чем смысл...». — в сознании Сони эхом звучали обрывки цитат Фёдора Михайловича.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный... всего человечества» — ещё одна цитата, частично всплывшая в сознании Сони.

Через минуту свеча дрогнула, пламя стало выше и приобрело синий оттенок у основания. Соня почувствовала лёгкий холодок в затылке.

Она взяла перо и положила на лист, затем спросила:

«Вы здесь?»

Перо слегка дрогнуло, потом медленно сдвинулось вправо, как будто невидимая рука подтолкнула его.

Соня ощущала, как слова «звучат» у неё в голове, хотя губы не двигались. Дух приходил через образы (*перед глазами вспыхивали сцены: каторжный барак, письменный стол, кружки, покрытые тёмным маслянистым налётом от заварки, карты, лицо Анны Григорьевны, её платье на пуговицах с длинными рукавами и белым воротничком*).

«Человек есть существо, ко всему ..., и, я думаю, это самое...».

«Фёдор, Вы готовы со мной поговорить?» — пыталась установить контакт Соня. Она ощутила мелкую дрожь, всё же она не была уверена, что сеанс вообще состоится.

Задав вопрос, она перестала «вызывать» и начала «слушать». Появилось ощущение тесноты, как будто комната уменьшилась.

«Готов, хоть и тяжело. Страдание — не цель, а молот, который разбивает скорлупу самолюбия. Но без любви оно убивает». — дождалась ответа журналистка. — «Я слышу шёпот ваших мыслей. Вы, Соня, как свечи в темноте».

«Я буду с Вами говорить, пока говорит свеча. Все Ваши слова я передам в печать.»

«Коли угодно.» — спокойным твёрдым голосом говорил Фёдор.

Сознание Сони покинуло разум, та провалилась в трансовое состояние.

Когда фитиль начал издавать характерные трески, что говорило о догорании свечи, Соня очнулась и поблагодарила дух Достоевского:

«Спасибо, Фёдор Михайлович. Я сохраню ваш голос» — произнесла она уже будто для себя, слова рухнули будто камешек в гулкий глубокий колодец.

Через две недели вышло интервью. Соня после всего сеанса передала записи в издательство. Она испытывала смешанные чувства: стыд, непонимание, радость, снова стыд. Это почти сделка: переживание за знание. Текст готов, в логике вопросов она не сомневалась, но почти весь эмпирический опыт был стёрт и Соня ощущала пустоту, которая её не покидала. Она открыла почту, заварив крепкий чёрный кофе, перешла по ссылке на пост издательского агентства и принялась читать заново. Словно в первый раз.

Журналистка-медиум Соня:

Что послужило отправной точкой вашего пути в литературе? Были ли конкретные события или люди, которые особенно повлияли на ваше решение стать писателем?

Дух Фёдора Михайловича:

Ещё в отрочестве я ощутил неутолимую жажду слова. Отец мой, человек строгий и набожный, внушал мне уважение к книге; мать читала Евангелие. Но истинным потрясением стали Гоголь и Пушкин. Когда я прочёл «Шинель», я понял: литература может вскрывать боль маленького человека, делать её видимой. А Пушкин... в нём была гармония, которой мне всегда недоставало. Я хотел писать так, чтобы читатель чувствовал биение сердца за строками.

Журналистка-медиум Соня:

Расскажите подробнее об отношении к Александру Сергеевичу?

Дух Фёдора Михайловича:

Вы знаете, когда матери не стало, я переживал и почти не помнил себя от горя, что скалось и на творчестве. А когда не стало Пушкина, для меня это было почти сопоставимо с её смертью. Я носил двойной траур.

Журналистка-медиум Соня:

Мне жаль, разделяю боль Вашей утраты так же, как и разделяю Ваши страдания. Могу заметить, в произведениях часто звучит тема страдания. Считаете ли вы страдание необходимым условием духовного пробуждения человека?

Дух Фёдора Михайловича:

Да, страдание есть крест, но и путь. Без боли душа спит. Посмотрите на Раскольникова: лишь через муки он приходит к покаянию. Страдание как огонь, который сжигает ложь и оставляет чистое золото. Но я не проповедую страдание как цель; я говорю, что через него человек может обрести себя, если не ожесточится

Журналистка-медиум Соня:

Как вы относитесь к идее «прекрасного человека»? Верите ли, что в каждом есть искра добра, даже в самом падшем?

Дух Фёдора Михайловича:

Я верю в образ Христов в каждом. Даже в Свидригайлове есть проблески милости. Человек есть поле битвы Бога и дьявола, но в этой борьбе сама возможность добра доказывает его присутствие. Моя задача — показать, как даже в падении светится искра: улыбка ребёнка, случайный жест сострадания. В этом — надежда.

Журналистка-медиум Соня:

Вы прошли через каторгу и смертный приговор, заменённый в последний момент. Как этот опыт изменил ваши взгляды на жизнь, свободу и прощение?

Дух Фёдора Михайловича:

Семёнцево, эти четыре года... Там я узнал народ. Не книжный, не идеализированный, а живого русского мужика — с его верой, грубостью, мудростью. Я понял: без народа, без его веры я ничто. Смертный приговор... В те минуты на плацу я ощутил, что жизнь — дар, который ты не властен отнять даже у себя. Это было не просто испытание; это было крещение огнём. А ведь знаете, я тогда почти лишился рассудка. Это было похоже... на... падучую. Я зачем-то начал говорить на французском приговорённому, что стоял рядом со мной: «как же хорошо, сегодня вечером будем с господом вместе».

И тут благословенное «все помилованы».

Журналистка-медиум Соня:

Не могу представить, через что Вам пришлось пройти.

Дух Достоевского:

Можете, можете... У нас с Вами в некотором роде общий недуг. Чтобы восполнить отсутствие матери, я будто наполнял пустоту, которая воцарилась с её уходом. Разыгрывал сценки, отвечал её репликами, комментировал свои действия от её лица. Все мы дети... одинокие дети...

Журналистка-медиум Соня:

В «Братьях Карамазовых» вы пишете о «слезинке ребёнка». Можно ли оправдать страдания невинных ради высшей цели — или это всегда недопустимо?

Дух Фёдора Михайловича:

Никакая высшая цель не стоит слёз невинного. Если для счастья миллионов нужно пожертвовать одним это не счастье, а дьявольский расчёт. В «Братьях Карамазовых» Иван бросает Богу этот вопрос как камень. И мой ответ в Алеше: любовь к конкретному человеку, помощь здесь и сейчас. Глобальные проекты спасения мира без любви к ближнему — пусты.

Журналистка-медиум Соня:

Как вы видите роль писателя в обществе: быть зеркалом реальности, проповедником, исследователем души или чем-то иным?

Дух Фёдора Михайловича:

Писатель — не судья и не проповедник в рясе. Он — свидетель. Он должен слушать душу человека, даже грешную, и говорить: «Я вижу тебя. Ты не один». Моя цель не давать ответы, а ставить вопросы так, чтобы читатель заглянул в свою тьму и увидел там свет. Литература есть исповедь, общая для всех.

Журналистка-медиум Соня:

Вы много писали о Петербурге. Что для вас этот город: фон для действия или самостоятельный персонаж ваших романов?

Дух Фёдора Михайловича:

Петербург — город-призрак, город-символ. Его серые дожди, его узкие улицы, его дворы-колодцы не фон, а среда, где душа сжимается от тоски и одиночества. В нём есть что-то пророческое: он как будто говорит: «Здесь ты один на один с собой». Но в этой пустоте рождается крик о смысле. Мой Петербург... пространство поиска Бога. Я родился в Москве, но Петербург — место, где я обрёл себя как творца.

Журналистка-медиум Соня:

В ваших дневниках встречаются размышления о России и её пути. Как вы считаете, в чём особая миссия русского народа?

Дух Фёдора Михайловича:

Россия не в границах, не в силе, а в её способности сострадать. Мы народ, который может соединить разум и веру, закон и милосердие. Наша миссия не завоёвывать, а свидетельствовать: есть иная жизнь, где правда выше выгоды, а любовь сильнее ненависти. Но для этого мы должны сначала очиститься сами.

Журналистка-медиум Соня:

Вы были глубоко верующим человеком. Как вера помогала вам в творчестве и в тяжёлые минуты жизни?

Дух Фёдора Михайловича:

Без веры я бы не смог писать. Вера давала мне силу смотреть в бездну и не падать. Когда я работал над «Карамазовыми», я молился перед каждой страницей. Евангелие есть мой компас. Оно учит: даже в самой тёмной ночи есть звезда. И если мой герой находит путь, то лишь потому, что я верю: путь есть для каждого.

Журналистка-медиум Соня:

Лудомания — болезнь 21 века. Её даже внесли в международную классификацию болезней. Как Вы бы описали этот опыт, Вы ведь знаете о азарте не понаслышке.

Дух Фёдора Михайловича:

Ах, вы, разумеется, про «Игрока»... Знаете ли вы, как он был написан? За три тысячи рублей — да, буквально за них. Чистое рабство, не договор. Стелловский подал мне год — год! — чтобы я выбрался из долгов, а сам тем временем ждал, когда я оступлюсь.

Одиннадцать месяцев исчезли, как дым: я был поглощён «Преступлением и наказанием», болен, измотан, без гроша. И вот тогда появилась Анна Григорьевна — ангел, не иначе. Со стенографией, с терпением, с верой. За месяц мы вырвали «Игрока» из времени, будто из огня.

И что же? Когда рукопись была готова — Стелловский исчез. Спрятался, мерзавец, лишь бы я не успел сдать роман и он мог забрать всё, по договору. Гадость... подлость редкая. Но, знаете, и это пошло в литературу.

Журналистка-медиум Соня:

Тогда я задам последний вопрос. Каким вы видите будущее поколение, которое будет жить в 2036 году?

Дух Фёдора Михайловича:

Я не провидец, но скажу так: если люди 2036 года забудут, что они прежде всего люди, а не «пользователи» или «потребители», они потеряют себя. Технологии могут стать и тюрьмой, и лестницей... не в небо, конечно (писатель усмехнулся) всё зависит от сердца. Я вижу надежду

в тех, кто умеет слушать тишину, кто плачет над чужой болью, кто ищет не удобства, но правды. Если они сохраняют способность любить и каяться, если не побоятся задать себе вопрос: «А что я сделал для ближнего?» — тогда у них будет будущее. Иначе пустота».

— Иначе пустота. — повторила слова Соня вслух, дочитав интервью до конца.

Материал будто был чужим. Два вопроса были спланированы заранее, а остальное сплошная импровизация. Только первые два вопроса были заданы для читателя, а остальные Соня задавала для себя. Какой-то бессознательный мыслительный поток. По интонации и построению они были совсем чужие. Ей стало неловко, будто подглядывала за собой в момент, который был не предназначен для публикации на всеобщее обозрение. В груди возникла та самая тяжесть, знакомая и безымянная одновременно, как будто текст знал её лучше, чем она сама о себе.

В этот момент ей стало ясно, что так называемая амнезия — это не плата за откровение, а защита.

Если — то (Ева)

Она достала из чёрного матового портсигара сигарету и нервно закурила. Вообще-то она давно бросила, но в её жизни, к сожалению, ещё остались ситуации, в которых требовалось устроить перекур и хорошенько всё обдумать.

— Ну, что скажешь? Если ты согласишься — твоя жизнь станет другой. Разве ты не этого хотела?

Она затянулась и выпустила дым сквозь ноздри.

— Если... Ты так легко говоришь об этом, как будто бы это аксиома. Неужели ты не понимаешь? Если бы Понтий Пилат мог, то он не казнил бы Иисуса Христа и не мучился бы от вины — спал себе спокойно, и голова бы не болела! Если бы на Екатерину Медичи не давили советники, то не было бы никакой кровавой свадьбы. Да и в целом... если бы покушение на Гаспара де Колиньи удалось — то Франция могла бы обойтись малой кровью...

Если бы «Млада Босна» не убила Франца Фердинанда, то не было бы Первой мировой войны. Да и София Гогенберг была бы жива. Если бы отвёртка в руках Злотина не соскользнула, то он спокойно бы опустил бериллиевую полусферу на плутоний и остановился бы в нужный момент... и не увидел бы черенковского излучения. Если бы он не «дёргал дракона за хвост», то, может быть, и не умер бы через 9 дней. А Лайка? Думаешь, если бы Лайка знала, что «Спутник-2» не планирует возвращаться на Землю — то она бы согласилась полететь в космос и встретить свою смерть? А если бы Кремль прислушался к письмам с протестами против жестокого обращения с животными — то Хрущёва послали бы туда вместо собаки. Если бы Станислав Петров в 1983 году решил действовать по инструкции — то мы бы все были кучками радиоактивного пепла... Ты же знаешь — если бабочка взмахнёт крылом, то на другом конце планеты может произойти землетрясение.

Я назвала тебе причины и следствия.

Причины — это «если», а следствия — «то».

В причинах — начало, а в следствиях — результаты. Впрочем, сейчас это всё выглядит как «Если бы да кабы, да во рту росли грибы — был бы не рот, а целый огород»...

Она отстранённо посмотрела на тлеющую сигарету и на какое-то время замолчала.

— Если же рассуждать с точки зрения логики и базовых функций программирования, все эти «если» и «то» являют собой импликацию.

Один объект или понятие необходимо включает в себя другое, понимаешь? Между утверждениями уже не причины и следствия, а логические связи.

«Из истины не следует ложь», а из лжи может следовать что угодно — это основа для условий и проверок в коде.

Всё это могло быть истинным, а могло быть ложным, но не теперь... теперь же мы не можем делать вид будто бы ничего и не произошло.

И получается, что не «если Франца Фердинанда убьют», а «Франц Фердинанд убит».

if Franz_Ferdinand_killed:

starts first world war

else:

we have peace

Мы знаем, что это произошло, но сама постановка вопроса в таком ключе предвосхищает то, что одно из условий в каком-то из случаев будет истинным. Но я не хочу to be, or not to be, я хочу not a or not b. Я хочу, чтобы условие «я соглашаюсь» стало ложью...

Она затянулась в последний раз и бросила окурочку на пол, растоптав его каблуком от Маноло Бланик (к такому туфли точно не были готовы).

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но ты уже всё сказала сама. Мы не можем делать вид будто бы ничего и не произошло. Это уже случилось раньше, а значит, произойдёт и сейчас.

В глазах Евы читалось только форменное отчаяние.

Нахаш жадно и лукаво смотрел на нее, ожидая словесной контратаки.

— ...Ты прав. Это уже было сделано раньше, это «если» уже давным-давно произошло... С разницей лишь в том, что тогда ТЫ убедил меня сделать это, а в этот раз я сделаю всё по своей воле. Для тебя не будет никаких «то», и твоё «если» останется незыблемым, а в истории ты навсегда останешься причиной, потому что был причиной всегда.

Она нехотя взяла из его рук пакет кислотно-зелёного цвета с надписью «Золотое яблоко» и направилась к выходу из подворотни. В этом густом воздухе ещё стояли клубы дыма, предательски напоминая о том, что она недавно была здесь.

Нахаш крикнул:

— Кстати, передавай привет Адаму!

— Всенепременно... — стальным голосом произнесла Ева, понимая, что к этому нельзя быть готовым и всё повторится вновь, потому что as above, so below (и что в Раю, то и на Земле).

Ёмкость забытых снов

«Привет ты сегодня работаешь если нет желания то можем завтра созвониться или сегодня после если хочешь конечно можешь позвонить если не против конечно можно завтра. Ласточки-сорокопуты выют ясли завтра будет возможность подъехать посмотреть на них. не сложно если нет тогда нет не знаю как правильно пишется через запятую но мне нравится как выглядит твоя улыбка Будды на моей щеке. Ты такой добрый ты просто прелесть моя ты мой герой всё ты мне должен. Платить каждый месяц за что-нибудь кроме денег спасибо большое за помощь мне это важно. Очень важно чтобы было всё взаимно но если тебе не приятно так зачем тогда.

Было это всё устраивать если не любишь человека зачем ты так поступаешь ты просто хочешь жить дальше без этого всего пожалуйста скажи правду ты мне больше никогда ничего плохого никогда плохого про себя не говори пожалуйста.

Это всё правда правда прости больше такого никогда больше никогда никогда никогда никогда никогда больше клянусь собой клянусь своей правдой клянусь тебе своей любовью.

Но это всё равно так как мне сейчас хочется быть счастливой рядом быть собой.

Картонные глаза вообще ничего хорошего не значат.

Только хорошее отношение друг за друга переживаю но ты мне нужен для меня.

Всегда будешь лучшим человеком который поможет справиться сам со всем справиться.

Сила воли сила духа это всё твоё сердце.

Сердце моё добавление души всё остальное не нужно.

Спасибо большое. Так скажи пожалуйста как можно скорее пожалуйста мне нужно чтобы вы помогли нам справиться вместе.

Жду сообщения когда сможете поговорить со мной пожалуйста прошу прощения за беспокойство извините пожалуйста мне очень неудобно.»— Тина проснулась от того, что вибрация от нажатий на клавиатуру сенсорного телефона поступала ей в щёку. Она хотела написать сообщение мужу, что она волнуется и ждёт его дома, но просто отключилась от бессилия. Четвёртый час утра. Где его носит? Тина стёрла бредовый текст сообщения, написанного автоподбором, и заблокировала экран телефона, после чего положила голову под подушку и уснула.

Жизнь Сервантеса

Мигель де Сервантес Сааведра, обвиняемый в попытке реквизируют часть урожая у священника, в 1597 году приговорён к семи месяцам заключения.

Маленький Мигель любил зачитываться рыцарскими романами. Без страха и упрёка он стал заложником Рыцаря Печального Образа.

Ему было особенно интересно читать части про путешествия и сражения с противниками, встречающимися на пути, а вот к концовке он уже успевал потерять интерес. Бросая едва дочитанный роман, Мигель принимался за чтение нового.

Попав в заключение, он не бросил привычки читать. Более того, он загорелся идеей написать свой собственный о некоем Дон Кихоте и его верном помощнике Санчо. В его распоряжении было 7 месяцев одиночества и молчания. Отчуждения и ликования по случаю зарождения творческого замысла.

Он обращался к страницам будущего романа не как пародист, а как верующий. Страницы шелестели, как мачты кораблей далёкого плавания, и этот, пока ещё не до конца облёкшийся в словесную форму Дон Кихот, был чуть-чуть им самим.

Именно это нетерпение (бросать книгу на последних главах) и стало его скрытым уроком: не затягивай иллюзию, доведи её до предела и разбей.

Сырость, гулкие шаги, бедность, неустроенность. И среди этого мрачного и беспросветного память о прочитанных романах.

Но память так несовершенна. В XVI веке ещё не было термина «конфабуляция», но понимание, что память обладает свойством изменчивости уже было. Мигель так боялся растерять все сюжеты, которые обустроились в его голове и так уютно себя чувствовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.